

ПРИГРАНИЧНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЗОСИСТЕМ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. Регион – часть страны или группа близлежащих стран, объединенных в определенную целостность, как теоретическое понятие в отечественной литературе обычно рассматривается в хозяйственном, политическом и административном аспектах. Однако основой региона и движущей силой его развития являются люди, составляющие территориальную общность. В настоящее время в регионоведении наметился сдвиг от доминирующего экономического подхода к социологическому. Особенно это актуально для занимающих промежуточное – межгосударственное, межкультурное, междоцивилизационное – положение приграничных регионов, на которых возложено выполнение двойных функций государственной границы: обеспечивать взаимодействие с сопредельными странами и сохранять целостность территории страны, препятствовать нелегальным теневым практикам. Именно жители приграничья с их сознанием и деятельностью реализуют эти функции. В русле формирующегося нового направления – приграничного регионоведения – анализируются социальные процессы, происходящие в приграничных регионах.

Ключевые слова: пространственный потенциал России • социальные мезосистемы • межкультурное взаимодействие • региональное сознание • социология повседневности

DOI: 10.31857/S013216250005482-3

Эволюция международных отношений в связи с глобализацией ставит на повестку дня в качестве одной из приоритетных задач научный анализ проблем территориальных сообществ. Регионализация становится важнейшей чертой современного общественного развития как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств.

Регионоведение как направление появилось в государствах, имеющих большую территорию и необходимость ее хозяйственного освоения. В СССР, начиная с 1920-х гг., при разработке плана ГОЭЛРО, а затем пятилетних планов, возникла потребность теоретического обоснования размещения производств в виде районного (по существу, регионального¹) направления в экономической географии, получившее затем название «школы пространственного анализа». Вклад в науку о регионах представителей этой школы (Г. Кржижановский, М. Животов, Ю. Ларин и др.) в нашей стране оказался весомым. В 1930 г. на основе их идей создается Совет по изучению производительных сил (СОПС), разрабатывающий региональные программы экономического развития. Территориальное управление под руководством совнархозов продолжалось до 1932 г. – перехода на централизованное управление экономикой страны.

Быстрые темпы роста экономики послевоенных лет выявили потребность в разработке теории пространственной экономики. Исследования в области экономической географии проводятся ведущими советскими экономистами, прежде всего, академиками Н. Баранским,

¹ До термина «регион» использовался близкий по содержанию, но более универсальный термин «район». В нашей стране термин «регион» ввел академик Н. Некрасов в 1975 г., в течение многих лет возглавлявший Госплан СССР. Термин «районирование» постепенно был заменен на «регионализация».

В. Немчиновым, Н. Некрасовым. Пик активности советских ученых в сфере пространственной экономики приходится на середину 1950-х гг. при подготовке и переходе страны на принцип территориального управления – экономической реформы 1957–1965 гг. с децентрализацией управления, усилением роли регионов, восстановлением совнархозов. В этот период осуществляются теоретические разработки, проходят научные дискуссии, осваиваются зарубежные достижения, в том числе концепция немецкого экономиста А. Лёша².

В США пик востребованности анализа территориальных проблем экономики пришелся также на 1950-е гг., что было связано с промышленным развитием после Второй мировой войны. Монография У. Айзарда «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» (1960) считается рождением регионоведения. Вышедшее из экономической географии новое направление обществovedения в течение длительного времени ограничивалось экономическими аспектами. Широкое применение нашла разработанная Ф. Перру теория полюсов роста, рассматривающая экономическое пространство как своеобразное силовое поле, напряженность которого неравномерна и в котором действуют как центростремительные, так и центробежные силы. Эта идея в значительной мере повторяла теоретические выводы советских экономистов и была реализована в хозяйственной практике.

Следует подчеркнуть, что научный приоритет У. Айзарда является достаточно условным, сводящимся в значительной мере к названию теоретического направления – «регионоведение», аналогичного по содержанию отечественному – «районирование». Эта условность не менее отчетливо проявляется в содержательном единстве экономической географии и региональной экономики, которые настолько тесно срослись, что многолетние споры представителей этих дисциплин о «приоритетах» и «заслугах» в исследовании пространственной организации экономики оказались бесплодными, так как общее проблемное поле исследуется практически одними и теми же методами, хотя и под разными названиями.

Таким образом, к моменту появления регионоведения как нового научного направления наша страна уже располагала его солидной теоретической базой. На ее основе до начала 1990-х гг. проводилась активная политика изменения размещения производительных сил страны, результатами которой стало масштабное освоение природных ресурсов периферийных регионов и общий сдвиг производительных сил на Восток³, индустриализация и урбанизация ранее отсталых аграрных регионов, появление многочисленных новых городов, создание транспортных и энергетических коммуникаций, а, главное, планомерное развитие территорий. При всех недостатках советской системы хозяйствования огромные пространства страны интенсивно осваивались. Признанным лидером российского регионоведения становится академик А.Г. Гранберг, в 1992 г. возглавивший СОПС, много сделавший для интеграции отечественных исследований в мировую региональную науку и анализа экономических и демографических потерь, связанных с последствиями, как распада СССР, так и российских экономических реформ.

Интерес к регионоведению за последние десятилетия вызван не только экономической необходимостью, но и более широким общественным трендом [Зубаревич, 1997]. В конце XX в. обострились глобальные противоречия, усилился интерес к социально-политическим аспектам регионального развития. Именно на региональном уровне происходит непосредственное взаимодействие процессов на макро- и микроуровне, вызванных нынешним этапом глобализации – доминированием неолиберальной модели экономики. Она породила совокупность острых общественных противоречий – социальных, экономических, политических, социокультурных и т.д., определяемых как «глобальные вызовы». М. Кастельс в своей работе о XX в. пишет: «Вместе с технологической революцией, трансформацией капитализма, упадком государственности мы пережили в последнюю четверть

²Его книга о пространственной организации хозяйства («теории пространственного равновесия») была издана в СССР в 1965 г.

³Это наглядно отражено в динамике населения Дальнего Востока: в 1955 г. там было 4,1 млн чел., в 1991 г. – 8,1 млн чел.

века всеобщий взрыв мощных проявлений идентичности, которая бросает вызов глобализации и космополитизму от имени культурной уникальности и стремления людей контролировать собственные жизни и среду обитания» [Castells, 1997: 2].

Регионализация может быть рассмотрена в контексте диалектики противоречий процессов макро- и микроуровня, показывающей необходимость регулирования и разрешения этих противоречий на промежуточном уровне. Выход из конфликта противонаправленных сил в поиске переходной ступени, выполняющей роль своеобразного социального редуктора от общемировых к местным процессам. Этот промежуточный – мезоуровень⁴ – позволяет общие тенденции приспособлять к местным специфическим условиям, что дает возможность в нарастающем процессе унификации и стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой отдельной культуры.

Регионоведение явилось результатом развития научного познания и его фундаментального метода – классификации, делящей объект исследования на определенные части (элементы) посредством выделения признаков однородности географических, экономических, этнокультурных, исторических и социально-психологических условий, мотивирующих его выделение, что позволяет глубже проникнуть в его сущность.

Регион как посредник. Познание любой страны и каждого народа невозможно без изучения отдельных регионов. Этот императив является основой интеграции региональных сообществ. В конце XX в. сформировалась главная цель региональной науки – стать базисом для интеграционных процессов (толчок этому – объединение Европы в единую систему – «Европу регионов»). Процесс регионализации приобрел новые импульсы, связанные с повышением роли регионов в архитектуре европейского континента, развитии европейской интеграции и общеевропейском сотрудничестве, которое в прежние десятилетия тормозилось жестким противостоянием двух систем⁵. Современные мощные макропроцессы, воздействуя на нижние пласты социума, не могут разрушить разнообразие социального мира, так как неизбежно вызывают ответную реакцию снизу, наталкиваясь на сопротивление этнокультурной микросреды. Эту важную преобразовательную функцию мезоуровня довольно точно улавливает политолог В. Кувалдин: «Вопреки распространенным представлениям, в ходе глобализации “перегородки” между различными сегментами мира не рушатся, а преобразуются, становятся проницаемыми “мембранами” с управляемыми потоками обменов» [Кувалдин, 2002: 30].

Помимо регионализации происходит и другой процесс, сопровождающий современный этап глобализации, – рост этнической консолидации. «XX век показал, что при всем развитии наднациональных связей... национальная общность остается доминирующей “осью координат” человеческого самоопределения. Дипломатические конструкции типа “общего дома” или “мирового сообщества” не смогли преодолеть эти рамки» [Левада, 2000: 502]. Этнос является одной из форм организации общества и при этом пока самой долговременной. Страх утратить свою самобытность и быть растворенным в пучине глобальных перемен рождает противодействие. В отличие от макро- мезоуровень дает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии ее защиты и сохранения. Как отдельная личность и государство не могут общаться непосредственно, для этого необходимы соответствующие структуры – посредники, так и местные, локальные социумы нуждаются в посреднике для выхода на макросистему. Эту функцию промежуточного уровня выполняет регион.

Регион (как и ранее «район») – собирательное название для территориальных сообществ. «Попытки сформулировать универсальное определение региона наталкиваются на своеобразные интерпретации в смежных отраслях знания» [Gunnarsson, 2004: 594]. В связи

⁴Российский географ Б. Ротман заметил, что «современная наука наступает на область неведения в основном двумя фронтами: макромир открывает исследования космоса; микромир – атомную физику. В тылу остается мир материй (предметов) среднего размера – мезомир» [Ротман, 1993: 46].

⁵Так, понятие «Балтийский регион» появилось только после окончания холодной войны.

с этим уместно привести обобщение проблемы поиска универсального термина, сформулированное тем же У. Айзардом: «Стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование, и дефиниция “регион” исчезает» [Айзард, 1965: 29]. Ибо регионом может быть и внутригосударственное и межгосударственное образование, один регион может входить в состав другого, более крупного региона, что подразумевает «иерархию» регионов [Симонян, 2010: 56].

Выступая в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, регионы в лице своих институтов противодействуют негативным тенденциям макроуровня, прежде всего стремлению к унификации общественной жизни, разрушению культурной многоукладности, навязыванию одной модели как единственно верной.

Негативные тенденции стандартизации наталкиваются на реакцию региональных и локальных человеческих сообществ, стремящихся сохранить свою самобытность. Диалектика глобального и регионального отражается в содержании понятий: «глобализация» включает в себе губительное единообразие, а «регионализация» – разнообразие, являющееся одним из условий существования человеческого общества. «Нет необходимости ни в каких других универсальных постулатах, кроме всеобщего закона географии, который гласит, что все регионы своеобразны и неповторимы» [Hartshorne, 1959: 187].

Этот постулат особенно актуален для нашей страны, где регионы отличаются уникальным разнообразием: природным, культурно-историческим, социальным, демографическим, этническим и т.д. В начале 1990-х гг. возросло значение этого разнообразия в связи с трансформацией общественного строя в России, переходом к новой модели государственно-территориального устройства и усилением роли регионов в экономике и политике.

По степени социально-экономической дифференциации современная Россия занимает первое место в мире, а различия между российскими регионами превышают даже различия между самыми богатыми и самыми бедными странами мира. В силу неравномерности развития в постсоветское время эти различия стали еще более очевидными. По данным Всемирного банка, Россия имеет самый высокий уровень регионального неравенства среди крупных стран с развивающейся экономикой, таких как Бразилия, Индия, Китай, ЮАР⁶.

То, что подавляющее большинство регионов составляют депрессивные для федерального государства является острой рискогенной проблемой. «Радикальные перемены в стране отразились на отечественной регионалистике в большей степени, чем на других социально-экономических науках... Нынешний уровень дифференциации – это уже не наследие прошлой эпохи, но свидетельство изъятий формирующегося рыночного пространства и слабости механизмов его целевого регулирования. Процесс дифференциации сопровождается расширением территорий особой депрессивности, отсталости, бедности... Усиливающаяся социально-экономическая дифференциация регионов – это, несомненно, тяжелая хроническая болезнь новой России» [Гранберг, 2004: 68]. За прошедшие полтора десятилетия положение не улучшилось. Поэтому регионоведение в Российской Федерации является одной из наиболее востребованных общественных наук как для социально-экономического развития государства, так и укрепления его целостности и устойчивости. Познавание российских регионов становится актуальной стратегической задачей.

В общественном дискурсе современной России общим стало утверждение, что мы плохо знаем свою страну. «Любая, даже самая поверхностная попытка изучения российского пространства со всем тем, что на нем растет, водится, живет, умирает и мыслит, немедленно обнаруживает основную проблему этого пространства: оно себя совсем не знает. Пространство России – малоизученный и сам собой не понятый объект» [Малкина, 2007: 10]⁷.

⁶ Фейнберг А. Экономические перекосы на местах // РБК. 2018. 27 сентября. С. 6–7.

⁷ Это утверждение главного редактора журнала «Отечественные записки» – аллюзия на вывод, сделанный руководителем нашей страны в позднесоветский период – «мы не знаем общества, в котором живем» [Андропов Ю.В. Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 4].

Приграничные регионы эту востребованность ощущают наиболее остро. Функциональный подход к определению приграничья основывается на двух противоположных задачах: первая (барьерная) – защищать суверенитет и национальную безопасность государства, вторая (контактная) – обеспечивать взаимодействие с соседними государствами. Изучение процессов, происходящих в приграничных регионах чрезвычайно важно для России, обладающей самой протяженной в мире границей, самым большим количеством стран-соседей и самым большим приграничем: из 85 субъектов Федерации 47 являются приграничными, причем только 18 из них являются давно устоявшимися, «старыми», а большинство возникло всего четверть века назад.

Положение вблизи государственной границы, как в Российской империи, так и в СССР сдерживало экономическое развитие приграничных территорий. Плотность населения на них существенно меньше среднероссийской. Опасность военных действий и доминирование барьерного характера границ вынуждали размещать производство в глубинных районах страны. Новые границы, возникшие в результате распада СССР, также проходят в своем большинстве по экономическим лакунам. В результате этого наследия пояс приграничных территорий сегодня в среднем является более депрессивным, чем схожие по уровню освоенности глубинные территории. Это обстоятельство приобретает все большее значение в условиях роста интенсивности межкультурного и междивизиационного взаимодействия.

Разрыв хозяйственных связей, вызванный распадом СССР и переходом государств СНГ к рыночным условиям хозяйствования, наиболее болезненно отразился на экономике приграничных регионов. В результате этих преобразований экономические барьеры (впервые со времен Гражданской войны) возникли внутри страны. В условиях резкого сужения внутреннего рынка в ВРП приграничных регионов доминировала внешнеэкономическая составляющая. Возникла ситуация, когда многим из них стало проще развивать отношения с прилегающими странами, чем с соседними российскими территориями России. В выгодном положении оказались населенные пункты, находящиеся в непосредственной близости от границы. В то же время в условиях аномии 1990-х гг. там сформировалась серая зона приграничного сотрудничества. Наиболее наглядно эти тенденции проявились на Дальнем Востоке, понесшем наибольшую депривацию в результате реформ, о чем свидетельствует демография: если в России в целом естественная убыль населения с начала реформ составила 4,7%, то на Дальнем Востоке – 17,9% [Российский..., 1993, 2018]. Населению российских регионов, граничащих с Китаем, бурно развивающаяся экономика великого соседа для обеспечения жизнедеятельности в 1990-е гг. была гораздо важнее, чем разрушающаяся экономика России. Сегодня приграничные регионы испытывают значительные трудности в связи с возрастающим объемом транзитных перевозок, необходимостью значительных финансовых вливаний для создания транспортной, таможенной и пограничной инфраструктуры.

Приграничные регионы характеризуются и рядом других особенностей. Так, концентрация мигрантов и создание устойчивых этнических общин, а нередко целых поселков в российском приграничье создает предпосылки для осложнения социально-политической, криминальной и санитарно-эпидемиологической обстановки, а также для обострения межэтнических противоречий. Также к особенностям приграничных регионов относится в противоречивость их статуса. С одной стороны, это, как правило, глубокая периферия государства и практически все они относятся к депрессивным, а, с другой, являются политически значимыми и важнейшими узлами как внутрирегиональных отношений, так и отношений с соседними государствами. Эта двойственность отражается в сознании местного населения, являясь одним из элементов регионального сознания жителей приграничья. П. Бурдые в своей концепции социального пространства указывает на его единство, обеспечиваемое субъектами, вступающими в отношения, обусловленных социальным пространством [Бурдые, 2005: 374].

В этой связи современное значение и роль приграничья определяются не столько географическими, сколько социологическими категориями: территориальная идентичность,

принятая система социальных норм и моральных приоритетов, сложившийся общественный уклад, ощущение близости интересов, восприятие сопредельной страны, оценка политической обстановки. Поскольку каждая страна оценивает угрозы своему существованию в свете преобладающей системы ценностей, представления о границах зависят от общественно-политического контекста. «Даже если официальные очертания границ не меняются, могут меняться взгляды на то, что эти границы представляют, являются они механизмом кооперации или барьером, защищающим от внешних неблагоприятных воздействий» [Макарычев, 2003: 70].

Регионоведение вышло из экономической географии, поэтому при рассмотрении регионов акцент делается на экономических, а в последнее десятилетие в связи с ростом миграционных потоков – на демографических аспектах.

Социально-психологический аспект пока мало привлекает внимания исследователей. В то время как благодаря сознанию и деятельности людей происходит и экономическое, и культурное взаимодействие. Региональное сознание, имеющее общенациональную основу, – следует считать самостоятельным явлением, отражающим особенности региона и являющимся его важнейшей характеристикой. Положение, сформулированное классиками социологии массового сознания (Я. Бурхард, Э. Фромм, Х. Ортега-и-Гассет и др.), заключается в том, что описать его состояние можно только на вполне определенном уровне, постоянно имея в виду конкретные особенности субъекта массового сознания, – в полной мере относится к региональному сознанию. Ф. Бродель подчеркивал, что «*философское понимание региона* заключается в своеобразности региона, как особого мира с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением» [Бродель, 1994: 259].

В последние годы в научном сообществе расширяется это «философское понимание региона», идет постепенный сдвиг акцента исследования приграничья с экономической и политической сферы к социально-психологической, ибо как обеспечение транснационального сотрудничества, так и национальной безопасности проходит через региональное сознание, которое является важной характеристикой человеческого капитала региона. Этот капитал на российском приграничье имеет особую ценность, так как большая часть пограничного периметра проходит по неосвоенным слабозаселенным пространствам Северо-Запада и Дальнего Востока. В условиях меняющейся политической конъюнктуры население приграничных регионов приобретает особый статус.

Граница – это не только международно-правовой институт, обеспечивающий неприкосновенность и целостность государственной территории, но и продукт общественной практики, где люди обеспечивают как процессы межкультурного взаимодействия, так и безопасность, и устойчивость границ. Еще в начале XX в. Г. Зиммель справедливо отметил, что «граница – это не пространственный факт с социологическим эффектом, но социологический факт, который пространственно оформляется» [Зиммель, 1996: 599]. При этом в отличие от других регионов менталитет жителей приграничья обладает еще одним важным свойством: приграничье – это пространство, где встречаются различные социальные реальности: взаимодействуют государства, культуры, истории, религии, языки, знаковые системы. «Усиление интенсивности семиотических процессов в приграничной полосе связано с тем, что именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне, граница – это область конституированной билингвильности, что получает прямое выражение в языковой практике населения на границе культурных ареалов» [Лотман, 2001: 278].

Во всех сопредельных с другими странами регионах происходит процесс взаимодействия между двумя соседними социумами, в результате которого образуется третий – мезосоциум приграничья, с характерными для него особенностями группового и массового сознания, определяющими его социально-психологические характеристики, в том числе чувство совместного понимания происходящих событий, идентифицирующих приграничное сообщество.

Если феномен «регион» является мезосистемой между глобальными и локальными процессами, то приграничный регион – территория «между» приобретает еще одну функцию,

представляя мезосистему двух взаимодействующих культур (цивилизаций) – социальную общность, обладающую одновременно признаками обеих социальных систем. Концепция мезосистем продуктивно описывает результат межкультурного взаимодействия – социокультурную диффузию (взаимопроникновение, аффилиацию, инвазию, конвергенцию), сопровождающуюся процессами адаптации и аккультурации. Ее можно определить как процесс (и одновременно результат) распространения (взаимного проникновения) явлений взаимодействия. В приграничье это наглядно проявляется в элементах перекрестной идентификации, двуязычии, общности типологий сознания и поведения, смешанных браках, совместном бизнесе, приграничной торговле, маятниковой миграции, специфике информационного пространства, в доминирующих установках и ориентациях. Социокультурная диффузия может носить и негативный характер, в том числе и в форме социальной инвазии, что приводит к усилению барьерной функции границ [Бийжанова, 2014:18].

Широкое социологическое понимание приграничья включает в себя все остальные общественные аспекты, в том числе исторический, ибо история человечества – это в значительной степени история войн, а конечная цель большей части войн заключалась в изменении границ. Поскольку природа взаимодействия, которая происходит на приграничье, определяется влиянием различных факторов – географических, политических, демографических, культурных и экономических, приграничье – это динамическая и потенциально нестабильная зона.

На границе происходит «сжатие» пространства – «здесь» и «там», представления «мы» и «они» актуализируются и операционализируются. Феномен «государственная граница» является идентифицирующим знаком приграничного сообщества и создает общие социальные представления, на основе которых в массовом сознании приграничье как территориальность совершает качественный скачок – оно определяется чертой, на которой кончается «наше», «свое», «культурное», «безопасное» и т.д., которому противостоит «их», «чужое», «враждебное», «опасное», и т.д. [Лотман, 2000: 276].

Если в регионах, принадлежащих к старым границам (на Западе – с Норвегией, Финляндией, странами Балтии, Польшей; на Востоке – с Китаем и Монголией), у населения сформирован охранительный психологический комплекс («синдром границы») ⁸, то в регионах, прилежащих к новым границам (на Западе – Украина и Белоруссия, на Юге – Грузия, Азербайджан и Казахстан), он только начинает формироваться, что придает «новому» приграничью специфическое социально-психологическое содержание, так как после распада СССР часто приходилось «резать по живому». Здесь более всего результативна апелляция к национальным символам, так как обыденная повседневность тесно переплетена с государственной политикой.

Для значительной части населения в последние годы интерес к событиям предшествующих эпох, истории российского государства, поискам идентичности, обращение к культурным архетипам постоянно растет [Симонян, 2013: 65]. В наибольшей мере это относится к приграничью, особенно новому. Здесь массовое сознание формируется не только в категории перемен, но и в контексте преемственности, характерной для настроений, проживающих на приграничье этнических сообществ с их исторической памятью, пространственной памятью («земля наших предков») и аккумуляции этих настроений.

В господствующем экономическом подходе к анализу приграничья не учитывается, что хозяйственно-экономическое взаимодействие различных культур и цивилизаций не сводится к процессам коммуникации, оно включено, причем самым активным образом, в другие процессы межкультурного общения, прежде всего, восприятие друг друга партнерами по диалогу (социальная перцепция) и интерактивное взаимодействие между ними, «обмен действиями» (солидарность, раскол, конфликт). Примеров,

⁸ Это явление хорошо иллюстрируется феноменом казачества, психология которого полностью укладывается в рамки упомянутого комплекса.

когда развитию хозяйственного сотрудничества соседних стран препятствовали неэкономические причины (менталитет, традиции), можно привести много.

Социально-психологический подход к изучению приграничья дает возможность понять, как формируется пространство межкультурного диалога, как функционируют его элементы, какие правила определяют поведенческие стратегии населения и институтов, какую роль играет в этих процессах граница, как формируется региональная самоидентификация, включающая в себя представления об особенностях собственной «территориальной группы», влиянии фактора границы на ее менталитет, оценки происходящих в приграничье процессов и своего места в них, осознание связанности исторических судеб с соседними народами. А также определить, насколько жители приграничья в своей повседневной жизни «ощущают границу», насколько это чувство принадлежности к особой территории, разделяющей «здесь» и «там», зависит от таких факторов, как расстояние от границы, частота контактов с соседней страной, род занятий, социальное положение, уровень благосостояния, оценка происходящего в стране, оценка качеств территории проживания, значимость ее в мировой и локальной системе координат, восприятие соседнего этноса, отношение к теневому бизнесу, истокам его возникновения и условиям развития. И, наконец, выявить, насколько осознание «приграничности» – принадлежности к передовым рубежам своей страны – имплицитно включает категорию ответственности за ее судьбу.

Анализ регионального сознания приграничья особенно продуктивен на местном, наиболее близком к границе уровне.

Муниципальный уровень является важнейшим для познания приграничья, так как происходящее там наиболее рельефно отражает сущность феномена приграничья. Процессы на местном уровне и деятельность муниципальных органов управления во многом остаются «белым пятном» социологии, а микросоциология в российском дискурсе регионоведения почти не присутствует. Это вызывает сожаление, так как сама коммуникативная природа социологических исследований предполагает взаимодействие субъектов исследовательской деятельности с ее предметами. Рост интереса научного сообщества к социологии повседневности и одновременно усиливающаяся тенденция большей ориентации на детализацию компонентов социокультурного обмена в исследовании процессов межкультурного взаимодействия делают микросоциологию еще более актуальной [Замятин, Пилясов, 2013].

В любом явлении есть малозаметные составляющие, которые тем не менее влияют на его суть, и, наоборот, имеющие глубокие корни новые тенденции, часто проявляется в каких-то мелочах, малозначимых деталях. Задача социологии повседневности заключается в погружении в изучаемую социальную среду, что особенно необходимо для исследования низового (районного, муниципального, поселенческого) уровня происходящих в приграничье процессов и поиска путей их оптимального регулирования. Неопосредованное восприятие социальной реальности с устойчивыми, повторяющимися ситуациями взаимодействия во всей его многослойности обеспечивает достоверность эмпирической базы для теоретических обобщений, делает представление о предмете изучения объемным, снижает риск «кабинетности» проводимого исследования, позволяет выявить значимость различных факторов формирования «приграничного сознания», отражения границы как знака идентичности.

Наблюдение, лежащее в основе всех эмпирических методов познания общества, не столь обязательное для экономиста, правоведа, демографа или историка, для социолога является методологическим императивом. Преимущество этого метода в том, что он позволяет фиксировать события и элементы человеческого поведения в момент их совершения. Удаленность жителей от границы влияет на формирование приграничного сознания, хотя здесь нет прямой корреляции. Разумеется, в непосредственной близости к государственной границе населенных пунктов люди глубже «чувствуют» границу, но и в более удаленных ее ощущение может приобретать в зависимости от ряда факторов (работа в сфере приграничной инфраструктуры, совместный с сопредельной страной

бизнес, родственные или дружеские связи) даже более заметный характер. Разумеется, удаленность от границы областного центра не может повлиять на «чувство границы» чиновника региональной администрации, в сферу которого входят вопросы взаимоотношений с сопредельным государством. Но в целом, чем ближе к границе живут люди, тем больше у них информации о соседях, и, как правило, меньше влияния стереотипов и положительнее оценки соседней стороны.

На микроуровне приграничья массовое сознание отражает повседневность – сферу человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и переживания той самой конкретной обыденной среды, состояние которой во многом определяет высокую общественную роль приграничья.

Выводы. Являясь частью общего регионоведения, приграничное регионоведение становится важной отраслью теоретического знания. В условиях повышения интенсивности межкультурного и межцивилизационного взаимодействия и роста рискогенности современного мира его значение и востребованность будут возрастать, как для осмысления меняющейся роли государственных форпостов в глобализующемся мире, так и для расширения теоретической и методологической базы формирования государственных стратегий по отношению к странам-соседям. Феномен «приграничье» как социальная мезосистема не только не исчерпывается объективными характеристиками, но во многом определяется особенностями субъективного восприятия смысла этого феномена – территориального сообщества людей с их психологическими установками, ценностными ориентациями, представлениями, восприятием и оценками происходящего, и, наконец, их деятельностью, обеспечивающей, как процессы межгосударственного сотрудничества, так устойчивость и безопасность границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айзард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.
- Бийжанова Э.К. Приграничье как объект исследования // Вестник института социологии. 2014. № 4. С. 11–22.
- Бродель Ф. Что такое Франция? В 2 кн. Кн. 1: Пространство и история. М.: Изд-во Сабашниковых, 1994.
- Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетей, 2005.
- Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57–81.
- Замятин Н., Пилясов А. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство микроуровня. М.: СОПС, 2013.
- Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996.
- Зубаревич Н. Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия. М.: Комплекс-Прогресс, 1997.
- Кувалдин В. Парадоксы глобализации // Полития. 2002. № 2. С. 28–35.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: МШПИ, 2000.
- Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001.
- Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство–СПБ, 2000.
- Макарычев А. «Игра понятий»: новая «геометрия регионализма» в европейском контексте // Международные процессы. 2003. № 3. С. 67–74.
- Малкина Т. Контурная карта // Отечественные записки. 2007. № 6. С. 9–17.
- Мир политической науки: в 2 кн. Кн. 1: Категории / Отв. ред. А.Ю. Мельвиль. М.: Просвещение, 2004.
- Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 1993, 2018.
- Ротман Б.Б. Пространственная дифференциация и районирование. М.: МГУ, 1993.
- Симонян Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 51–62.
- Симонян Р.Х. Российские экономические реформы 1990-х годов: психологический аспект // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 60–71.
- Castells M. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Gunnarsson M. Regionalism and Security – Two Concepts in the Wind of Change // Мир политической науки: в 2 кн. Кн. 1. М.: Просвещение, 2004.
- Hartshorne R. Perspective on the Nature of Geography. Chicago: Rand McNally & Company, 1959.

CROSS-BORDER REGIONAL STUDIES IN THE CONTEXT OF MESO-SYSTEMS THEORY

SIMONYAN R.Kh.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Renald Kh. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Center for European studies, Institute of international studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Abstract. The region, which is a part of the country or a group of neighboring countries that make up a certain integrity, is usually considered as a theoretical concept in our literature in the economic, political and administrative aspects, while the basis of the region and the driving force of its development are the people that make up the territorial community, the regional human capital. Today in regional studies there is a shift from the dominant economic approach to a sociological one. This is especially true for holding the intermediate – inter-state, inter-cultural, inter-civilization – the position of border regions, which are entrusted with the implementation of two fundamental functions of the state border: contact – interaction of Russia with neighboring countries and a barrier to maintain stability of borders and integrity of the country, to prevent smuggling, drug trafficking, illegal migration with its threat of international terrorism penetration. It is the residents of the borderland with their consciousness and activities that realize these functions. The article analyzes the social processes taking place in these regions in the framework of cross-border regional studies.

Keywords: spatial potential of Russia, social meso-system, cross-cultural communication, economic reductionism, regional consciousness, sociology of everyday life.

REFERENCES

- Biyyzhanova E.K. (2014) Borderland as an Object of Study. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. No 4: 11–22. (In Russ.)
- Brodel F. (1994) *What is France?* In 2 books. Book 1: Space and History. Moscow: Izd-vo Sabashnikovykh. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2005) *Social Space: Fields and Practices*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Castells M. (1997) *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Granberg A. (2004) Regional Economics and Regional Science in Russia: Ten Years After. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. No. 1: 57–81. (In Russ.)
- Gunnarsson M. (2004) Regionalism and Security – Two Concepts in the Wind of Change. In: *The World of Political Science*: in 2 books. B. 1. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Hartshorne R. (1959) *Perspective on the Nature of Geography*. Chicago: Rand McNally & Company.
- Kuvaldin V. (2002) Paradoxes of Globalization. *Politiya* [Polity]. No. 2: 28–35. (In Russ.)
- Levada Yu.A. (2000) *From Opinions to Understanding. Sociological Essays 1993–2000*. Moscow: MSHPI. (In Russ.)
- Lotman Y. (2001) *Universe Of The Mind*. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
- Lotman Y. (2000) *Inside the Thinking Worlds*. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB. (In Russ.)
- Makarychev A. (2003) «The Game of Concepts»: a New «Geometry of Regionalism» in the European Context. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Process]. No. 3: 67–74. (In Russ.)
- Malkina T. (2007) Contour Map. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 6: 8–17. (In Russ.)
- Rotman B. (1993) *Spatial Differentiation and Zoning*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook*. (1993, 2018) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Simmel G. (1996) *Selected Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Simonyan R. (2010) Mezzo-level Conception – Application to Region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 51–62. (In Russ.)
- Simonyan R. (2013) Russian Economic Reforms of the 1990s: Psychological Aspect. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. No. 3: 60–71. (In Russ.)
- Zamyatin N., Pilyasov A. (2013) *Russia, which We Have Found: Exploring the Space of the Micro Level*. Moscow: SOPS. (In Russ.)
- Zubarevich N. (1997) *Evolution of Relations between the Center and the Regions of Russia: from Conflicts to the Search for Agreement*. Moscow: Kompleks-Progress. (In Russ.)

Received: 21.01.19. Final version: 04.03.19. Accepted: 25.04.19.